

пополнение собственных оборотных средств с исключением этой суммы из налогооблагаемой базы, для чего необходимы специальные фонды и целевое использование ускоренных амортизационных отчислений на инвестирование энергосберегающих технологий или выделение средств на финансирование приоритетных направлений.

Успешное развитие производства невозможно и без должного развития научно-технической базы отрасли. Только при таком условии можно выдержать конкурентную борьбу с инофирмами, имеющими мощный научный потенциал. Для возрождения отраслевой науки и проектных институтов нужно, чтобы были созданы специальные фонды при предприятиях, а также региональные центры науки и высоких технологий.

Информация об авторе

Суходолов Александр Петрович — доктор экономических наук, профессор, первый проректор, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: first-pro-rector@isea.ru.

Author

Syhadolov Alexander Petrovich — Doctor of Economics, Professor, First Vice-rector, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: first-pro-rector@isea.ru.

УДК (571.5)
ББК ТЗ (2)

Ч.Г. АНДРЕЕВ

СЕМЬЯ И ТРАДИЦИОННОЕ ВОСПИТАНИЕ У СИБИРСКИХ НАРОДОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Анализируется традиционная система воспитания у коренных народов Сибири в период капиталистического развития России с точки зрения их конструктивного воздействия на подрастающее поколение.

Ключевые слова: семья, дети, воспитание, общество.

CH. G. ANDREYEV

THE FAMILY AND TRADITIONAL UPBRINGING BY SIBERIAN NATIVE PEOPLE AT THE SECOND PART OF XIX TH — BEGINNING XX TH CENTURY

The author analyzes the traditional upbringing system by Siberian native people at the period of capitalist development of Russia with relation to the function of constructive impact on the younger generation.

Keywords: family, children, upbringing, community.

Аборигенное население Восточной Сибири увеличилось с 485,1 тыс. в 1860 г. до 613, 7 тыс. в 1897 г., то есть на 26,5 % [4, с. 194]. Наиболее многочисленными были буряты, которых в Восточной Сибири насчитывалось 288, 4 тыс. чел., затем шли якуты — 225,4 тыс., хакасы — 41 тыс. чел. [6, с. 10-12]. Почти все аборигены жили в сельской местности. В 1897 г. в городах проживало 0,3 % хакасов, 1,7 якутов, 0,6 % бурят [4, с. 202].

Буряты составляли примерно треть всего «инородческого» населения сибирского региона. Они представляют самую северную группу монгольской ветви урало-алтайской языковой семьи. Территория расселения бурят охватывала значительные пространства Восточной Сибири, простирающиеся на северо — запад и юго-восток от озера Байкал. Западная граница бурятских земель проходила по р. Уда (левый приток Ангары) в Иркутской губернии, а на востоке — по р. Аргунь в Забайкальской области. На севере граница расселения бурят достигала верховьев рр. Лена и Баргузин, на юге шла по монгольской границе.

Хакасы и якуты относятся к тюркской языковой группе народов. В XIX в. хакасы разделялись на четыре этнические группы: качинцев, сагайцев, кызыльцев и койбалов. Качинцы проживали в степных просторах по левому берегу р. Енисей, от устья Абакана до верховьев Чулыма. Койбалы занимали степи в междуречье рек Енисей и Абакан. Сагайцы расселялись в долине реки Абакан, в предгорьях Саян и Кузнецкого Алатау. Июские степи и северные отроги Кузнецкого Алатау являлись владениями кызыльцев.

Якуты в XIX в. составляли 87 % населения Якутской области. Они расселялись от побережья Охотского моря до Таймырского полуострова и от верховьев р. Олекмы до берегов Северного Ледовитого океана. Более или менее компактные районы якутского населения имелись по р. Лена, приблизительно от р. Ньюи до устья р. Алдан; в приисковых районах по р. Вилюю от устья до мыса Хампа и в треугольнике между средней Леной и нижним течением рек Амги и Алдана. Отдельные группы якутов были разбросаны по всей территории области: по среднему течению р. Яны и ее притокам; у верховьев р. Индигирки; вокруг местности Оймьякон; по среднему течению р. Индигирки и на Колыме.

У бурят, якутов, хакасов скотоводство являлось основой существования, и к его требованиям они приспособивали материальный быт. Развитие земледелия и товарно-денежных отношений привело к большим изменениям последнего. Уже к концу XIX в. по сравнению с серединой века у народов Восточной Сибири возросло число постоянных, так называемых зимних улусов. У аларских бурят Иркутской губернии число таких улусов в рассматриваемый период увеличилось в 3 раза. Аналогичная ситуация наблюдалась у тех якутов и хакасов, которые интенсивно занимались земледелием.

В начале XX в. заметно прекращаются у народов Восточной Сибири перекочевки из зимников в летники и обратно, ибо земледельческое хозяйство требовало значительного труда. Многие «инородцы» отказывались от переездов в летники, а переезжали в юрту во дворе. Наиболее же зажиточные, имевшие хорошие дома, вообще никуда не трогались. Сокращению перекочетов способствовало также земельное утеснение, вызванное изъятием земель народов Сибири в начале XX в. в колониационный фонд. Переселенцы располагались чересполосно с улусами, селами, занимая места летних кочевий аборигенов.

Отсталый культурно-бытовой уровень, отсутствие элементарных санитарно-гигиенических мероприятий и медицинской помощи — характерные черты образа жизни бурят, хакасов, якутов рассматриваемого периода. Для них были характерными низкий уровень здоровья населения, широкое распространение болезней, высокая рождаемость и высокая смертность. В аборигенной семье рождалось много детей, но тяжелые условия жизни, антисанитария приводили к тому, что большая часть их умирала еще в младенчестве. Отрицательно влияли на прирост населения также пережитки родового быта в области брачных отношений: большой калым затруднял вступление бедноты в брак; патриархальная власть родителей при выборе жениха и невесты, нередко при большом возрастном несоответствии последних и т.п.

Семья во все времена является важнейшей частью воспроизводства этноса. Она — основная ячейка, призванная физически сохранить родившихся, давать детям необходимые в будущей жизни умственное, эстетическое и физическое развитие. Иметь много детей являлось и является заветной мечтой каждой семьи аборигенных народов Сибири. Например, якуты говорят, что «дети — это богатство, только воспитать их трудно» [7, с. 498]. У аборигенов было своеобразное представление о всестороннем развитии и воспитании детей. В народном толковании всестороннее развитие понималось так, что каждый родитель, каждая семья были заинтересованы по мере сил и своих возможностей воспитать умных, здоровых, физически развитых, трудолюбивых, благовоспитанных детей.

Основная сфера социализации ребенка была семья, вернее семейно-родственная группа. С детского возраста ребенку внушалось, что определенная группа семей представляет единый, общий круг сородичей, к которым нужно относиться по-родственному, то есть как к своим родителям.

Главой семьи всегда считался отец. Все члены семьи подчинялись ему беспрекословно. Лишь жена, мать семейства, играла известную роль в решении наиболее важных вопросов, таких, как женитьба сына, выдача дочери замуж, продажа скота, покупка вещей. С самых малых лет детей приучали знать своих предков по мужской линии. Отец или дед перечислял около десяти и больше поколений, рассказывая мальчику, кто от кого был рожден, и путем многократных повторов доби-

вался того, что мальчик заучивал свою родословную. По материнской линии ограничивались знанием дедушки и бабушки, братьев и сестер матери и их детей. Например, у хакасов старики при случае задавали мальчикам и девочкам традиционный вопрос: «А кто твой дед или прадед? Кем они были? Где жили?» [1, л. 8]. Не отвечать на подобные вопросы считалось большим позором и квалифицировалось старшими как неуважение к памяти предков.

Устойчивость семейного уклада поддерживалось воспитанием детей в духе уважения к обычаям и правилам, которые определяли взаимоотношения людей в семье и обществе. Основной заповедью нравственного воспитания считалось внушение детям почтительного повиновения старшим. Указания и замечания старших по возрасту, особенно пожилых и старых людей, принимались беспрекословно младшими, которые обращались к старшим только на «Вы». У бурят была пословица: «Старых будешь слушать, дни твои дольше будут».

В традиционном образе жизни очень строго соблюдался принцип старшинства по возрасту. Самое почетное место в доме отводилось старшему, никто не имел права сесть, пока не сел он, никто не имел права начинать разговор до того, как он начнет, никто не имел права начинать кушать, если он не начал. Почитание родителей считалось первой и святейшей обязанностью детей. С малых лет внушалось детям, что они обязаны «отплатить» родителям долг за то, что они вырастили их, и создать им условия для спокойной и безбедной старости. Оставить родителей без призрения считалось великим грехом.

С малых лет воспитание детей происходило в естественной, непридуманной обстановке, без приказов, окриков, моральных проповедей, а намеками. Е.К. Яковлев, исследователь быта хакасов, в одном из своих трудов отмечал: «Ребята пользуются у инородцев большой любовью. Я никогда не видел, что бы кто-нибудь не только ударил надоедающих и кричащих в юрте ребятишек, но даже крикнул на них сколько-нибудь грубо» [8, с. 81]. У сибирских народов считается, что кричать на детей, повышать тон на них — это значит, оставить в их душе глубокие обиды, оскорбить личность ребенка.

Исследователи сибирских народов также отмечали раннее социальное становление их детей. Автор книги «На границе с Монголией» Г.М. Осокин писал: «Особым призором или наблюдением бурятские дети не пользуются. Как только ребенок начинает ходить, попечение родителей сводится на нет. Детям дается полная свобода действий, так что 5–7-летние считаются настолько самостоятельными, что уходят иногда далеко и надолго, не заставляя родителей беспокоиться за их сохранность. Бурятский мальчик 8–9 лет, как по виду, так и по взглядам будет равняться крестьянскому в 10–12 лет [5, с. 204]». Раннее повзросление детей являлось результатом специфической модели социализации,

предполагавшей непосредственную включенность ребенка в социально-значимую деятельность взрослых, а, значит, и следствием духовно-практического характера воспитания.

Важное значение в воспитании детей имели игры, в процессе которых они часто повторяли трудовые операции взрослых, в частности, своих родителей. «В летнее время в лесу, в поле, у водоема, — отмечал исследователь якутов В.Л. Серошевский, — дети устраивают охоту, игрища, свадьбы, задают пиры, танцуют, шаманят, борются, ловят зверя... Во всем до мелочей они стараются подражать старшим» [7, с. 514]. В ходе игр дети усваивали представления о хозяйственной стороне жизни взрослых. Выполняя в игре обязанности пастуха или коневода, они вместе «изготавливали» продукты животноводства; «добыв» лесного зверя, учились разделять его на мясо и шкуру и т.д. Игры детей не только расширяли представление об окружающем их мире, но и оказывали значительное влияние на их физическое и нравственное воспитание.

Полезными считались игры, развивающие силу, ловкость, сообразительность. Например, «ловля лошади арканом», «волки и табуны лошадей», «игра в бабки (лодыжки)» и др. Большинство из этих игр носило состязательный характер. Детские игры сводились к тому, что мальчики играли «в отцов», а девочки — «в матерей», имитируя выполнение мужской внедомашней, и женской — домашней работы. Общий социальный смысл детских игр заключался в том, что умения, полученные благодаря играм, позднее, в юношеские и зрелые годы, совершенствовались и применялись в практической жизни.

Формирование подрастающего поколения, в основном, было тесно связано с его трудовой деятельностью. Воспитание у детей любви к труду являлось одним из условий продолжения производственных традиций любого народа. С раннего детства, детей начинали приучать к выполнению несложной работы: принести дровишки, пригнать пасущийся недалеко молодец, загнать или выгнать скот и др. Постепенно, с взрослением, при распределении трудовых поручений родители начинают учитывать пол детей. Основным видом обучения процессам трудовой деятельности было индивидуальное, когда отец обучал преимущественно сыновей, а мать — дочерей. У бурят, хакасов, якутов существовали определенные моральные устои, нравственные нормы, которые передавались из поколения в поколение, как обычаи предков, как традиционный идеал хорошего человека. Достоинными людьми считались люди честные, степенные, смелые, стойкие, благодетельные, спокойные, разумные, гостеприимные, уважительные. Не уважали нечестных, безвольных, легкомысленных, капризных, крикливых, хныкающих, жалующихся на свою судьбу. Недостойной слабостью считалось даже публичное выражение горя как при утрате родных, что было связано с религиозными предрассудками.

Родители, желающие воспитать детей хорошими людьми, внушали им основные правила поведения: уважать старших, почитать родителей, трудиться, не воровать, не зариться на общественное добро, оказывать помощь страждущим, беречь то, что имеешь, не лгать, не грубить, не сплетничать.

Воровство у аборигенов считалось особенно большим преступлением. Если человек попадался в воровстве, то раз и навсегда терял свое доброе имя. Жизнь в родном улусе, где все знали друг друга, становилась для него трудной. Ярким выражением справедливости является неравнодушное отношение к неправде, лжи. У народов Восточной Сибири имелось по этому поводу множество пословиц и поговорок: «Шепотом сказанное слово — ложь, твердо сказанное — правда» (хакасская); «Правдивое слово сильнее льва, справедливый человек дороже золота» (бурятская); «Над маслом вода не всплывает, над правдой кривда не поднимается» (якутская) [2, с. 113].

В традиционном образе жизни народов Восточной Сибири существовал обычай, что до свадьбы юноша не должен был употреблять ни водки, ни табака. Случалось, что первая кружка водки была его первым свадебным тостом. Считалось недопустимым со стороны молодежи пользоваться бранными и нецензурными словами. Было правилом, что любой из старших по возрасту был обязан не проходить мимо проступков детей.

Беспрекословное подчинение воле родителей и старших имело положительную и отрицательную сторону. Хорошо, что дети с малых лет трудились и привыкали к сдержанности в манерах, остерегались совершать аморальные поступки. Но, нередко патриархальное почитание старших, религиозные предрассудки подавляли волю, инициативу и личный выбор молодежи.

Значительной частью этнопедагогики народов Восточной Сибири было экологическое воспитание. Взрослые приучали детей с большим уважением относиться к объектам занятий взрослых и подкрепляли это системой запретов. Табу регламентировало отношения человека и природы. Эти отношения строились как отношения людей с хозяином той или иной местности — эжином. Так, буряты верили, что хозяин — тайги, Хангай, наказывает тех, кто нарушает порядок в его владениях [3, с. 12]. Поэтому взрослые учили детей, чтобы человек, находясь в тайге, угощал огонь всем съедобным, старался, чтобы ничто нечистое в него не попало, не капнула вода на него; нельзя было петь песни и громко кричать, а особенно свистеть. Последнее также было связано и с религиозными предрассудками. Якуты говорили детям, что все в этом мире имеет свою душу — «иччите»: каждая былинка, куст, дерево, камень, каждая гора, утес, речка, лесок, каждое животное, птица, рыба и т.д. [7, с. 628]).

Народы Восточной Сибири учили своих детей умению ориентироваться по звездам, разбираться в травах для скота, знать организм до-

машных животных и др. Все это делалось так, чтобы восприятие окружающего мира и себя юный кочевник представлял как единое целое, как объединение одушевленного и неодушевленного мира. В этом во многом заключалась экологическая мудрость народной педагогики.

Стержневой проблемой педагогики сибирских народов было трудовое воспитание. Родители старались привить детям необходимые трудовые навыки и практические знания по всем видам народного хозяйства. Они охотно передавали свой богатейший жизненный опыт хозяйничанья из поколения в поколение.

Основной хозяйства бурят, хакасов, якутов являлось скотоводство. Детей с малых лет знакомили с приемами и содержанием работы. В частности, учили пасти коров, овец; ухаживать за телятами и ягнятами; принимать участие в дойке, кормлении скота; правильно обращаться с рабочим скотом, узнавать их повадки; использовать сани, телеги, утварь; отгонять лошадей на пастбища, правильно выбирать маршруты пастбищ; учили верховой езде и ухаживать за жеребятами; матери знакомили своих дочерей, как доить кобылиц и как готовить кумыс, а также знакомили с изготовлением и хранением молочных и мясных продуктов. Детей также учили запрягать, распрягать лошадей, правильно определять их возрастную группу, выделывать конскую шкуру, хвост и гриву.

С развитием земледелия родители учили детей выбору пригодной местности, обработке почвы, выращиванию зерновых, огородных и злаковых культур. Дети с ранних лет участвовали в полевых, сенокосных и уборочных работах; позднее знакомились с орудиями труда, транспортом и др.

Большим подспорьем скотоводства и земледелия были охота и рыболовство. Родители знакомили детей с повадками птиц и пушных зверей, с выбором мест и подготовкой орудий промысла. Учили охотиться на птиц, пушных зверей с применением огнестрельного оружия, различных сетей, капканов, ловушек, приманок. Знакомили с первичной обработкой и транспортировкой продукции промысла, изучали правила безопасности в различных видах охоты, прививали навыки определять следы.

Аборигены-рыболовы брали детей на реку, озеро, чтобы привить им вкус к рыбной ловле и показать, в каких местах, и в какое время года какие рыбы водятся. Подробно знакомили детей с видами рыб, с основными путями миграции, питанием и образом жизни обитателей речных бассейнов и озер, со способами добычи рыбы удочками, сетями, ставниками и закидными неводами, сачками, корчагами; с вязкой сетей прямым, косым, филейными узлами, с изготовлением поплавов и грузил, их креплениями. Знакомили с первичной обработкой рыбы (засолкой, вялением, копчением).

Важным стимулом к полезной общественно-трудовой деятельности детей служила атмосфера труда и всеобщей занятости взрослого населения. Идеалом юношей являлось овладение необходимыми для практической жизни навыками, знаниями, чтобы стать скотоводами, земледельцами, охотниками, рыбаками. Большим достоинством девушек считалось овладение ими, так называемыми женскими видами работы: быть швеей, ткачихой; уметь стряпать, угощать гостей; поддерживать в доме надлежащий порядок, умело ухаживать за малышами; выполнять посильную работу в домашнем производстве, на лугах и полях и др.

Главной задачей трудового воспитания детей являлось внушение им правильного понимания труда, формирование определенного мировоззрения, отношения к труду и людям труда. В устах народа имелись и имеются излюбленные изречения: «Хорошее дело само себя хвалит» (хакасское); «Работаешь — будешь человеком, ленишься — будешь кизяком» (якутское); «Реки начало — родник, источник народа — чабан» (бурятское) [2, с. 57]. В трудовом воспитании детей принудительное значение имело приучение их к систематическому, упорному труду, которое достигалось постоянной тренировкой.

Постепенность явилось одним из основных положений трудового воспитания детей. По усвоении одного вида труда постепенно усложнялось трудовое задание. Сибирские народы считали, что преждевременной и чрезмерной нагрузкой можно отбить охоту и желание трудиться.

Для традиционного трудового воспитания аборигенов характерно, что воспитатели оказывали детям доверие, считались с их мнением и предоставляли свободу действий. В многодетных семьях устраивались семейные советы, где обсуждались хозяйственные, бытовые и другие проблемы.

Семья приучала ребенка жить в обществе. С малых лет, привлекаясь к хозяйственным делам семьи, ребенок приобретал основные трудовые навыки, необходимые ему для жизни, усвоил мысль о ценности труда, о человеческой взаимопомощи. Общение в процессе труда разъясняло ребенку смысл выполняемых трудовых операций. Трудовое общение было связано чаще с коллективным выполнением какой-либо работы, которое без взаимодействия работников было бы малоуспешным.

В хозяйстве бурят, хакасов, якутов было немало таких видов работы, выполнение которых требовало коллективных усилий. Для их проведения, по обычаю, объявляли помочи. На них приходили родственники, ближайшие соседи; неучастие в них вызывало общественное порицание. Помочи устраивали для заготовки дров, вывозки навоза, возведения юрты, дома и др. В них участвовали мужчины и женщины, молодежь и подростки. Кроме того, были и женские помочи, например, для катания войлока и обработки животноводческого сырья.

Участие в коллективных работах подростков и молодежи во многих отношениях было для них хорошей школой. Здесь они приобретали конкретные трудовые навыки, усваивали последовательность трудовых операций. Немаловажным было приобретение умения общаться с разными людьми в процессе труда, усвоение правил поведения в коллективе.

Социализация детей у аборигенов Восточной Сибири осуществлялась в условиях патриархально-феодалных отношений. Главной заботой родственников являлась передача устоявшихся норм поведения, навыков труда, знания природы, общества, экологических законов — знания, полученные опытным путем, от одного поколения к другому. Во второй половине XIX — начале XX вв. роль инноваций у бурят, хакасов, якутов была невелика, поэтому социализация личности проявлялась лишь в усвоении традиционных понятий, навыков и установок. С самого первого дня рождения этот процесс сопровождался множеством разнообразных обрядов и церемоний, предохранительных мер и запретов, вытекавших из религиозных предрассудков, что тормозило процесс проникновения нового в воспитание детей.

Список использованной литературы и источников

1. Архив Российского географического общества (АРГО). Разряд 64. Оп. 1. Д. 8, 14, 59.
2. Афанасьев В. Ф. Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока / В. Ф. Афанасьев. — Якутск : Якут. книж. изд-во, 1979. — 184 с.
3. Баторов П. П. Белкование у аларских бурят и народные поверья / П. П. Баторов // Бурятияведение . — 1925. — № 1.
4. Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири / В. В. Воробьев. — Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1975. — 259 с.
5. Осокин Г. М. На границе Монголии: очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья / Г. М. Осокин. — СПб. : Типограф. А. С. Суворина, 1906.
6. Серебренников И. И. Инородцы Восточной Сибири: их состав и занятия / И. И. Серебренников. — Иркутск : б.и., 1913.
7. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. — М. : РОССПЭН, 1993. — 736 с.
8. Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея / Е. К. Яковлев. — Минусинск : б.и., 1900.

Информация об авторе

Андреев Чингис Георгиевич — доктор исторических наук, профессор, Улан-Удэнский институт железнодорожного транспорта, 670034, г. Улан-Удэ, пр. 50-летия Октября, 58, e-mail: chin-andr@mail.ru.

Author

Andreyev Chingis Georgievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Ulan-Ude Institute of Railway Transport, 58, pr. 50-letiya Ocyabrya, Ulan-Ude, 670034, e-mail: chin-andr@mail.ru.